

***Сасина Галина Адольфовна
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост... "***

ЛЕНИНГРАД - ЛЕВОКУМКА - ЛЕНИНГРАД

Я родилась в Ленинграде 3 декабря 1935 года.

Мои папа и мама, брат папы Савелий и Ава, мой двоюродный брат

Мой папа Адольф Ефимович Ротштейн

Моя мама Анна Георгиевна Родченко и я

"Родным на память. Гале 3 года."

Моя бабушка Мария Васильевна Родченкова

"Что бы они без меня делали?" - думала я, сидя на плече у папы и глядя на веселых, счастливых людей то ли в праздник, то ли в день рождения.

Мне было 5 с половиной лет, когда началась война. 22 июня, Валдай, озеро, солнечный жаркий день, мы только что высадились из лодки, подошли к толпе у громкоговорителя и услышали ...

Возвращались в Ленинград я, бабушка, мама и годовалая сестра на газике ночью по шоссе, слева направо пролетали со свистом голубые огоньки. Потом узнала - пули. Дома папы не было. Я долго плакала, тишина, пустота, нет моего друга, нет самого дорогого, нет радости, на душе холод и ощущение, что это навсегда. Из окна маминой спальни Нева, шпиль Петропавловской крепости. Бомбежки, обстрелы.

Шли с бабушкой по набережной, был солнечный день, сияла голубая вода, было тихо и как-то торжественно, остановились: срез дома, груда камней, сверху у

стены с желтоватыми обоями вешалка со шляпой. Выносят завернутое в белое на кровати тело женщины. Милиционер: «Проходите, проходите!».

Стоим на углу дома, за Невой высоко в небе пылает огненный столб – горят Бадаевские склады.

Мама дежурила на крыше, гасила зажигалки. Помню зашла в ее спальню и вижу - мама под простыней спит, вся усыпанная мелкими осколками стекла окна. Снаряд разорвался на мостике через Лебяжью канавку. Стекла во всех окнах, выходящих на Неву и Летний сад, осели мелкими кусочками. При взрыве погиб милиционер. Окна забили фанерой.

Вой моторов, взрывы бомб.

Захожу со двора в парадную, вижу как на меня падает стена, вбегаю в комнату, кричу, что дом падает, кидаюсь к туалетному столику, сгребаю из ящика ленты, кричу, на меня взрослые не реагируют, в истерике катаюсь по дивану. Наконец, дядя Ефим берет меня за руку, спускаемся, и он показывает на осыпающуюся сверху над дверью штукатурку. Я прихожу в себя.

Небо - самое страшное, вой моторов, свист падающих бомб, разрывы снарядов. Во дворе стою, подняв голову к небу, и спрашиваю: " За что это мне, в чем я виновата? ".

Сначала спускались в бомбоубежище, потом уже не выходили из бомбоубежища - там так и жили.

Бомбоубежище. Когда падают бомбы в Неву, стены качаются. Ни одна бомба в Кировский мост не попала. Желтый длинный толстый кот, пробирающийся вдоль стены, прыгающие в агонии против топки кошки.

В квартире в коридоре лежит в пальто, закутанная в платок, умирающая или мертвая женщина. Я подхожу, смотрю на нее.

Зима. Небо утихло. Мы живем у тети Марии на кухне с окном во двор. Наше место на широкой кровати около стола, на стене громкоговоритель. Из громкоговорителя: "Граждане, воздушная тревога, воздушная тревога!" и "Враг будет разбит. Победа будет за нами". На столе маленькие квадратики черного хлеба, их надо растянуть на целый день. Во дворе зигзагом замерзшая гора.

Я набираю воду в прорубе маленьким бидоном на веревочке, очень скользко и страшно, бабушка меня держит. Я не помню, как мы выбирались по обледенелым ступеням на набережную с санками, на которых стоял зеленый бак с водой. Наверно, санки с баком стояли на набережной.

Когда у дома я тянула санки с мостовой на тротуар, на поребрике санки с баком наклонились, и вода вылилась. Со страхом ждала от бабушки наказания, в ответ только молчание. Больше я не помню, ходила ли я за водой, но сколько раз ходила бабушка и мама, и чего им это стоило!

Поднимаемся на площадку второго этажа. В углу напротив двери нашей квартиры стоят завернутые в белое два трупа. На полу находим две маленькие картофелины, я с гордостью находку вручаю бабушке. Бабушка достает пузырек с касторкой и жарит картошку.

Еще помню: выхожу со двора, у ворот стоит грузовик с голыми замерзшими трупами.

Мама рассказывала: нажую жмыха, заверну в марлю и даю Нате, думаю, - выплюнет - нет, сосет. Моей сестре было полтора года, она перестала ходить.

Иду вдоль решетки Летнего сада, лежит труп.

В декабре сорок первого мама ходила в Левашово к командиру части, в которой служил отец, после ее разгрома на Карельском перешейке. Я видела на столе пакет с гречневой крупой и еще пакеты. Запомнилась красная кость с мясом, принесла тетя Таня, сестра отца.

НКО СССР

Для представления по Трагическому

СПРАВКА

Военнообязанный запас Ротмистр
Адалберт Эрмилович
 1896 г. рожд. Рязань состав, „...“ Вус.,
 31 июля 1941 г. призван
 в Красную Армию.

Основание: Указ Президиума Верховного
 Совета СССР от 22/VI-1941 г.

Дзержинский Райвоенком
 майор Смирнов (Смирнов)

200 км от Л.з.б.
 № 2601.
 Ул. Чайковского, 53
 Тел. Ж 262-40

З.к. 2321. 26.7.44

Копия

Дзержинский РК г. Ленинграда
 ул. Тайковского, 53

Извещени е

Ваш муж красноармеец
 Ротмистр Адалберт Эрмилович
 уроженец БССР г. Борисов, м. Дерявка
 находится на фронте, пропал без
 вести 31 августа 1941 г.

Настоящее извещение является
 документом для возбуждения
 ходатайства о пенсии

Райком
 Военный комиссар - подпись не разборчива
 М-к бюро
 Лейтенант - подпись не разборчива

г. Ленинград

Распродали все: пианино за буханку хлеба. Мама бабушке: "А где сервиз?" Бабушка: "Пришла женщина и сказала, что ты велела продать сервиз за буханку".

Мы выехали 31 марта 1942 года. На вокзале с меня снял дяденька рюкзак: "Девочка, тебе тяжело, давай я подержу". В рюкзаке, как мне потом сказали, был паек, я запомнила коробку с пуговицами и поварешку.

Ладога. Помню машину - ночь, темень, от ветра хлопает брезент, бабушка и я в кузове, машина по колесам в воде, мама с закутанной полуторагодовой сестрой на руках в кабине, дверца открыта. Мама рассказывала, что впереди идущая машина с детьми ушла под лед, наш шофер успел вывернуть.

В теплушке - я на верхних нарах, в оконце протянулась рука с синей эмалированной кружкой, доверху наполненной сгущенкой. Сажусь на горшке и чувствую, как из меня уходит жизнь, пустота, легкость в теле, подумала, что умираю. Из меня вылилось полгоршка дымящейся светлой крови. Спас меня раствор марганцовки.

Самое страшное - это был лязг тронувшихся вагонов, а мамы нет - она ушла за продуктами, кипятком. В центре вагона - печка. На остановке выносят мертвого во всем черном.

Доехали. Помню душ - тоненькая теплая струя. Огромная буханка белого пышного хлеба в моих руках.

Левую кушетку. Из-за печки смотрим - в окне промелькнули бегущие немецкие автоматчики. Я услышала разговоры взрослых о душегубках, о расстрелах евреев. Мама строго - настрого наказала отвечать на вопрос об отце - русский. Я впервые узнала, что отец - еврей, а мама и бабушка русские.

Недалеко от нашего дома на перекрестке двух улиц толпа людей с узлами, крики, плачь, жара, пыль - согнали евреев.

Мимо дома, я видела из окна, быстро, торопясь к толпе прошел еврей в черном, в шляпе. Подумалось, позвать, втащить в окно.

Мама рассказывала: две сестры, одну звали Белла, красавицы, отказались улететь с отступающими, им летчики предлагали, потому что не хотели оставить больную мать.

Мама работала в пекарне, таскала дрова, воду, топила печь. После войны мама говорила - немцы разные. Один, зная, что у мамы двое маленьких детей, тайком совал булку, сахар, а другой смотрел как зверь, следил за каждым шагом.

В один солнечный день мама приехала на телеге. Я помню: она стоит на телеге в летнем красивом платье, а во дворе немцы с обыском. Поставили всех взрослых лицом к стене соседнего дома с поднятыми вверх руками, упертыми в стену. Я видела бабушку; к вечеру разрешили накинуть на спину одеяла, покрывала. Потом всех увезли в гестапо. Вечером, когда стемнело, стало прохладно, я решила, что надо выйти со двора, мы были на задах, на огороде. У калитки - немец лицом к нам, ноги расставлены, автомат наперевес. За руку с двухгодовалой сестрой иду по дорожке к калитке. Мысль - на сестре мое нарядное шелковое платье с белым вышитом воротничком, немец догадается, что мы не местные, даст очередь... "Дяденька, можно нам выйти?" Четкий шаг вправо, путь свободен. Соседи укладывают нас вместе со своими ребятишками спать. Мама рассказывала, что в гестапо ей удалось отдать свой паспорт стоящему за ней мужчине и тот засунул его под пол. В паспорте вероятно были имена детей: Ротштейн Галина Адольфовна, Ротштейн Наталия Адольфовна. Наши свидетельства о рождении и единственную фотографию отца мама раньше закопала. В гестапо маму спросили: " Ваш муж русский?" - "Да". Как после мама рассказывала переводчик не спросил "Ваш муж еврей?", чтобы со страху не сказала "Да". Она восприняла это как подсказку.

Идем с сестрой по полю. На тропинке сидят две молодаяйки. Блестя черными глазами с улыбкой, одна ласково спрашивает: "Девочки, ваш папа еврей?" - "Нет! Русский". В этой охоте за евреями возникала мысль: как бабушке не противно иметь внушек, отец которых еврей!? А я за мамой и бабушкой чувствовала себя в полной безопасности.

После войны я узнала, что маме по секрету сказала служившая в канцелярии полиции, что мы в списке на вторую очередь на расстрел.

В ночь на новый 1943 год немцы ушли, тихо растворились. Нас расстрелять не успели. В январе - феврале их разгромили под Сталинградом.

9 мая 1945 года был пасмурный дождливый день. День Победы. На душе пустота, папы нет.

В сентябре 1945 года мы вернулись в Ленинград. В наших комнатах хоть шаром покати - ничего, только детский совок под железным листом у печки. Угловое окно, выходящее на набережную и Летний сад, заложено кирпичем - была амбразура. Жить в квартире №245 в доме №1 по улице Халтурина нам не дали, а дали комнату 29 метров в доме № 17 на Кировской, и мы были счастливы. В квартире № 32 проживали 24 человека.

В школе ни слова о блокаде, ни слова об оккупации, ни слова о миллионах убитых евреев. Только в классе: " Поднимите руки, у кого отцы погибли". Лес рук. " В Финскую - не считается".

В анкете при поступлении в институт написала, что в хутор, где мы жили в эвакуации, немцы не дошли.

Дядя Савелий погиб в 1944 году. Бабушка Сейна Липповна Рейтштейн, мама папы, пережив блокаду и эвакуацию, умерла в 1946 году, не выдержав гибели сыновей, тетя Фаня, сестра отца, умерла в 1947 году от туберкулеза, тетя Таня, младшая сестра отца, развелась с мужем, который вернулся живым из плена и сказал, что немцы были разными. Для нее, у которой погибли все родные в местечке Чернявка под Борисовым, немцы были все одинаковые. Тетя Таня и тетя Эсфирь с мужем дядей Соломоном, другом папы, опекали меня с сестрой и Нину, дочь Савелия, всю оставшуюся жизнь. Дядя Соломон дошел до Берлина. Муж тети Фани Копель Менделевич Нисневич пропал без вести на Курской дуге в 1943 году, Женя, дочь тети Фани, жила всю жизнь с тетей Таней. Авраама, сына тети Фани, определили в военно-морское училище.

1.10.2012-19.11.2012